

НА ПРОСТОРАХ РОДИНЫ

ПРОИСШЕСТВИЯ, ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ФАНТАСТИКА, ФРОНТОВЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

КНИГА 8

Анатолий Музис

**Происшествия, приключения,
фантастика, фронтовые
и исторические хроники. Книга 8**

«Издательские решения»

Музис А.

Происшествия, приключения, фантастика, фронтовые
и исторические хроники. Книга 8 / А. Музис — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-0051-9153-3

В сборнике публикуются рассказы разных авторов о происшествиях на работе,
охоте и рыбалке, фантастика и юморески, эпизоды из фронтовой жизни
и исторические хроники. Фото на обложку взято из коллекции Геннадия
Иванова

ISBN 978-5-0051-9153-3

© Музис А.
© Издательские решения

Содержание

ВИКТОР МУЗИС	6
ЯНА, ИНДИГИРКА, КОЛЫМА	6
Вступление	7
Начало	11
Первый полевой сезон	12
На полевой подбазе. «РУКИ»	14
Все ушли	16
Начало полевых работ	17
АНАТОЛИЙ МУЗИС	21
МИНОМЕТ	21
ПЕРЕДОВАЯ...	22
ПИСЬМО ОТ МАТЕРИ И ОТВЕТ...	23
СЕЛО АЛФЕРЬЕВО	25
АЛЕКСАНДР МИЛЕДИН	26
НА КОЛЫМЕ	26
О ТРИАНГУЛЯЦИОННОЙ ВЫШКЕ	27
О ЭКОЛОГИИ	28
ГАЛИНА ТОМИЛОВА	30
СЛУЧАЙ В МАРШРУТЕ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Происшествия, приключения, фантастика, фронтовые и исторические хроники

Книга 8

Авторы: МУЗИС ВИКТОР, МУЗИС АНАТОЛИЙ, МИЛЕДИН АЛЕКСАНДР,
ТОМИЛОВА ГАЛИНА, ИВАНОВ ВЛАДИМИР, ШТЕФАНОВ АЛЕКСАНДР, СТЕПА-
НОВ НИКИТА

Автор, редактор и составитель сборника ВИКТОР МУЗИС

© ВИКТОР МУЗИС, 2020

© АНАТОЛИЙ МУЗИС, 2020

© АЛЕКСАНДР МИЛЕДИН, 2020

© ГАЛИНА ТОМИЛОВА, 2020

© ВЛАДИМИР ИВАНОВ, 2020

© АЛЕКСАНДР ШТЕФАНОВ, 2020

© НИКИТА СТЕПАНОВ, 2020

ISBN 978-5-0051-9153-3 (т. 8)

ISBN 978-5-0051-5090-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВИКТОР МУЗИС

ЯНА, ИНДИГИРКА, КОЛЫМА

«ВЕДЬ Я БЫВАЛ И ТАМ»

В. С. ВЫСОЦКИЙ

О чем шумите вы, народные витии,
И топите свою печаль в вине,
Вы побывайте в Восточной Якутии,
На Яне, Индигирке, Колыме,
На Яне, Индигирке, Колыме.
Чуть греет летом, а зимой не светит,
В июле – снег, а в августе – зима,
Здесь десять Франций лягут на планшете,
Яна, Индигирка, Колыма,
Яна, Индигирка, Колыма.
Кругом одни спортсмены и начсмены,
Не пить нельзя, а то сойдешь с ума,
Сюда доходят долго перемены
– Яна, Индигирка, Колыма,
Яна, Индигирка, Колыма.
Вчера указ по радио читали
О сокращеньи водки и вина,
А мы пошли и десять литров взяли
– Яна, Индигирка, Колыма,
Яна, Индигирка, Колыма.
И так всегда, зимою или летом,
Блестит ли солнце, греет ли луна,
Природа здесь давно уже с приветом
– Яна, Индигирка, Колыма,
Яна, Индигирка, Колыма.
О чем шумите вы, народные витии,
И топите свою печаль в вине,
Вы побывайте в Восточной Якутии,
На Яне, Индигирке, Колыме,
На Яне, Индигирке, Колыме.

Владимир Туриянский

Вступление

Попав под обаяние этих строчек, самой песни, а особенно припева, я не смог удержаться, чтобы не написать о своей работе в этих местах, об этом удаленном таежном регионе, где работать мы могли только благодаря организации баз в существующих поселках и их хорошему, хоть и не мудреному снабжению снаряжением и продуктами, а особенно выделением авиачасов на доставку сотрудников экспедиции самолетами на базы, а затем вертолетами на подбазы в районы, выделенные для работ.

Полевой таган

Подбазы старались выбирать в центральной части района работ, но обязательно на крупной (по возможности) реке, где можно было порыбачить и где опытные работники из радистов с рабочими рубили баню, ставили палатки 10-местки под склады со снаряжением и продовольствием и под столовую со столом и лавками. Готовили при скоплении народа ведрами, таган располагали рядом с кухней-столовой под навесом от дождя и снега.

Продукты – крупы, сахар – получали мешками по 30, 60 кг, муку – по 80 кг, консервы – тушенку, сгущенку, стеклянные и жестяные банки с щами и борщом в ящиках. Чай получали плиточный, позднее байховый и даже немного «индийского». Масло сливочное в небольших картонных коробках по 24 кг, подсолнечное – в молочных флягах. Бывает доставалась «сухая» картошка и сухое молоко в фанерных бочонках.

Комарье

И в молочной фляге получали маслянистую жидкость диметил, как отпугивающее средство от комарья, которого было «видимо-невидимо». Много позже его вытеснили различные репелленты типа «Дета». Что такое «полога» мы даже не знали и, когда их стали выдавать, поначалу пришивали вместо марли на вход в палатку.

Курящие поначалу получали махорку, позже стали получать сигареты. Снаряжение – противоэнцефалитные костюмы, резиновые или кирзовые сапоги, накомарники и портянки получали сразу на базе. Там же получали радики – сначала РПМС времен отечественной, гораздо позже отградуированные на одну волну ГРОЗА.

энцефалитка

Лоток деревянный геологический

В особом дефиците были деревянные лотки для промывки проб из речного аллювия или делювиальных суглинков со склонов сопок. Со временем от частой смены вода-сушка они растрескивались, пробовали их чинить, набивая жестяную пластинку от консервной банки, но это мало помогало.

Полог геологический

С инструментом тоже проблем не было – ломы, лопаты штыковые и совковые, молотки геологические, топоры, двуручные пилы.. Опытные рабочие обрубали совковые лопаты с заострением к центру и укорачивали черенок – так было проще нести ее, продев под шнурок рюкзака, с которыми тоже не было проблем – однокарманные, двухкарманные, трехкарманные. Последние отбирались под личные вещи или для выкидных маршрутов.

Ну и, конечно, спальные мешки из верблюжьей шерсти. каждый год к мешкам выдавались по два чистых белых сатиновых (новых или стиранных) вкладыша. Мешки подписывались и хранились на складе на базе, где у каждой партии были свои полки-отсеки. Туда же осенью складывалось полученное весной снаряжение – палатки, посуда, личные вещи, остатки продуктов...

Из оружия выбирали боевой карабин 7,62, но можно было взять «тозовку», ружье, наган или ТТ.

Гена Иванов с карабином 7.62

Позднее в партии стали получать списанные из армейских частей вездеходы. Сначала это были ГАЗ-47, потом добавились ГАЗ-71 и даже ГТТ. Соответственно, для них завозили горючее бочками – бензин и солярку и старались делать это самолетами АН-2, авиачасы которых стоили дешевле вертолетных, да и поднимали они больше, а садились легко на полевых аэродромах прямо на речные косы.

ГТТ. Поселок Жиганск

Начало

Начало было в поступлении на геологический факультет МГУ. Совершенно не понимая, куда мне поступать, решил пойти по стопам отца. Экзамены сдавал на дневное отделение, где конкурс был 28 человек на место. Сдавал вступительные экзамены на дневное отделение непонятно на что надеясь, так как учился я неважно и готовиться совершенно не умел. А бестолковой был таким, что даже не знал, что в МГУ есть вход с клубной части. Под изумленные взгляды дежуривших, я входил через главный вход и шел к лифтхоллу, где поднимался на нужный этаж.

Не знаю, на что я рассчитывал, будучи совершенно не в ладах с геометрией, и, естественно, нахватал троек и не прошел по конкурсу. Каким-то чудом, видно был большой отсев, придя в учебную часть, чтобы забрать документы, мне предложили подать документы на вечернее отделение, где конкурс был поменьше, где-то 11 человек на место, а отсев, видимо, тоже произошел приличный.

И, о чудо! Я прошел! Я поступил! Это было «дикое» везение! Я почувствовал невероятное ощущение удачи.

Прозанимавшись и окончив первый курс, весной, по протекции отца, меня оформили рабочим в партию Федоровского в «Аэрогеологическую экспедицию» ВАГТа, проводившую работы по геологической съемке в Забайкалье. Устроиться сразу на «постоянно», было не просто, так как со стороны никого не брали, а слухи о сокращении все время витали в воздухе. Но было одно НО – если человек проработал полгода, его оформляли приказом как постоянного сотрудника.

Так, поначалу рабочим, я вылетел к месту полевых работ в поселок Чара.

Первый полевой сезон

Перелет был не сложным и налаженным. Вылетев из Москвы на четырехмоторном ИЛ-18 и сделав одну или два часовых посадки для дозаправки, мы высадились в городе Чита, где у экспедиции была прекрасная база с большими помещениями для прибывающих сотрудников.

База была окружена забором, а общежитие для прилетающих ИТРов и рабочих состояли из больших комнат с металлическими кроватями с ватными матрасами и постельным бельем. На базе было механическая мастерская и газики для руководства и грузовыми машинами, на которых встречали прилетающих и отвозили на базу, или, наоборот, отвозили отъезжающих в аэропорт.

ИЛ-18

Пока мы недолго, день или два, ждали рейса в поселок Чара, я ходил в город и прогулялся по центральной части города, пообедал в столовой и ходил в кино.

Но вот двухмоторный «Дуглас» ЛИ-2 перенес нас в Чару. Мне запомнилось бескрайнее «море» тайги и уже перед самой Чарой обширная песчаная пустыня с дюнами и барханами – настоящие Кара-Кумы...

ЛИ-2

В Чаре тоже была оборудованная база, где можно было спокойно получить снаряжение и продукты на весь сезон и дожидаться перелета на вертолете МИ-4 к месту основных работ. Насколько помню, поселок Чара показался мне запущенной глубинкой, где свет давали по определенным часам от работающего дизеля, то есть проведенного электричества не было. Дороги в поселке были грунтовые, с лужами после дождя. Снабжение тоже было аховое, дефицитом были и овощи и фрукты – так свежих огурцов и помидоров магазине не было и в помине. Это оттого, что железной дороги нет, а машинами только по зимнику зимой.

С вертолетами, как всегда, вечная проблема, рвут на части... Но пока ждем переброски в район основных работ, получаем все необходимое снаряжение и продовольствие, складываем все в отсек на полку и шатаемся по базе...

Но вот мы на Чарском аэродроме и загружаемся в вертолет. Сначала вперед перед входом в кабину самое тяжелое: ящики с консервами, мешки с мукой, сахаром, крупами и прочим, затем палатки, спальники и личные вещи и т. п. Накрываем кучу брезентом, взгромождаемся сверху под потолком и начинаем глазеть в иллюминаторы. Штурман лезет в кабину по брезенту – мы оставляем ему проход, и усаживается на подвесную люльку у двери между 1 и 2 пилотами, но позади них.

В салоне стоит бак литров на 500, чтобы не тратить время, вылетая на дозаправку в аэропорт, а поднимает он до тонны, но, если жарко и воздух разрежен, то и меньше. Так что, чаще всего на заброску и переброски машина эта летучая делает часто по несколько рейсов.

Но вот мы в салоне и ждем взлета. В салоне приятно припахивает бензином. Включается двигатель и лопасти винта начинают потихоньку раскручиваться. Винтокрылый агрегат начинает подергиваться, двигатель орет все громче, лопасти винта раскручиваются все быстрее и быстрее, двигатель ревет все громче, набирая обороты, корпус начинает подергиваться, раскачиваться, машина чуть отрывается от земли, опять опускается, как бы прикидывая вес груза, и вновь приподнимается. Немного поднявшись вверх, машина опускается носовой частью корпуса книзу, как бы «клюя носом», и начинает стремительно идти вдоль полосы против ветра. Затем так же стремительно взмывает вперед и вверх и набирает высоту.

Вертолет МИ-4

И вот уже скользят под нами верхушки деревьев, так что чувствуется скорость, вертушка все больше набирает высоту до километра и спокойно летит, все так же подрагивая «всем телом»... Проплывают под нами уже знакомые Чарские пески и за ними показываются горы.

На полевой подбазе. «РУКИ»

Вертолет приземляется на ровную речную наледь у полевого под базового лагеря, располагающегося на высоком обрывистом берегу речки и мы выгружаемся. Перетаскиваем привезенный груз наверх, ставим палатки. Для меня все внове... Нам на четверых выделяют палатку 4-местку и мы натягиваем ее на выбранное место (поближе к кухне), устраивая из жердей сплошные нары, стелим войлок и раскладываем спальные мешки.

Теперь можно и оглянуться, обозреть окрестности... Лагерь стоит на высоком бугре, под ним во всю ширину речки лежит наледь и только посредине ее прорезает узкая щель со стремительным бурлящим потоком. А больше любоваться и нечем...

Речная наледь

Но начинают беспокоить комары. Начальник ждет прихода оленей и каюров, с которыми придется работать по переброске отрядов, но их все нет, а мы наслаждаемся вынужденным бездельем и отлеживаемся по палаткам. Наслаждаться, однако, особенно не получается, так как ребята-рабочие постоянно выходят и входят и заносят, как не отряхивайся, на спинах комаров. Попытки перебить их ни к чему не приводят, они лезут и лезут и, чтобы подремать хоть часок, я мажусь диметилем, налитым в плоский флакончик из-под «Красной Москвы», который постоянно ношу в нагрудном кармане энцефалитки. Днем жарко, валяемся поверх спальных, но ночью еще хуже, так как немного попрохладнее, но комары постоянно зудят у лица. Накроешься с головой – душно, высунешься из мешка – комары как будто этого и ждут... Отпугивающего действия диметила хватает на час, а спать-то хочется всю ночь. К тому же палатку нам выдали новую, еще не успевшую выгореть, а в ней ночью совсем темно...

Начитавшийся всяких приключенческих книжек, я, ожидая романтики приключений, все ждал чего-то такого, необычного, что должно было бы скрасить эту спокойную, налаженную, размеренную жизнь. Как говорит голос диктора в одном польском фильме: «приключения ожидали его за каждым углом, но вот он заворачивает за один угол, за второй, за третий – а их все нет...».

Ребята в палатке часто балагурили, рассказывали всякие байки и случаи из жизни и я с интересом слушал их.

Из развлечений немного помогали какие-то книжки, да обеды в десятиместке-столовой, где готовила повариха из местных, не молодая уже, лет 50 – 60, с помощницей. Женщину эту брали каждый сезон, так как она отличалась особым вниманием и заботой о всех, независимо

от того кто ты, ИТР или рабочий. Говорят, она «отсидела» за то, что сказала военному: «ты – редиска, снаружи красный, а внутри белый».

Как-то раз, дня два – три после прилета, лежа в палатке, я услышал какой-то негромкий монотонный протяжный продолжительный непонятный звук со стороны реки. Из любопытства я вылез из палатки и посмотрел в сторону реки, но наледь была пустынна, а за ней стеной стоял лес. Постояв минуту – другую я вернулся в палатку. Но минут через 10 – 15 за палаткой послышался шум, голоса людей и я снова вышел. На берегу на краю обрыва стоял Федоровский, рассматривающий противоположный берег в бинокль, и рядом с ним еще несколько человек.

Речная наледь

– Каюры что-ли идут? – негромко и как бы про себя произнес он, сам себе задавая вопрос.

– РУКИ! – вдруг громко вскрикнул он и кинулся с бугра вниз на наледь.

За ним следом ссыпались все остальные, ну и я в том числе. Все побежали вслед за начальником и, добежав до промоины в наледи, увидели в ней нашу повариху, ухватившуюся за кустик в борту промоины. Ноги ее бултыхались в бурном потоке. Ее быстро вытащили и, постелив телогрейку, усадили на нее стучащую зубами женщину. Кто-то накинул ей на лечи свою телогрейку, а я отдал ей шерстяные носки.

– Ребята! – произнесла она все еще стуча зубами, – Я же всех вас звала... И тебя, Музисенок, тоже...

Ей помогли подняться и повели отогреваться. Оказывается, она выпила бражки, ставить которую особо не возбранялось, но только ИТРами для особых случаев, и за каким-то чертом ее понесло прогуляться...

Все ушли

Каюров с оленями все не было и Федоровский, чтобы не терять время, решил отправить всех геологов в выкидные маршруты. Это такое «происшествие», когда нужно набить рюкзак продуктами на несколько дней и вещами, но так, чтобы он не треснул, но и такой по весу, чтобы с ним можно было дотащить до намеченного участка.

Все разошлись в эти выкидные, а меня назначили начальником опустевшего лагеря, присмотреть за оставленным имуществом и на случай, если придут каюры. И даже разрешили пожить в палатке начальника, которую он делил с радистом, а, заодно, и хозяйственником Юрой Михеевым. Пожалели, видимо, – я ведь самый юный был в коллективе, много ли на меня нагрузишь...

Честно говоря идти под рюкзаком, согнувшись в «три погибели», мне совсем не хотелось, хотя я постарался «виду не подать» и даже обрадовался этому предложению. И вот все разошлись, а я остался за сторожа. Перебрался в начальскую палатку четырехместку и расположился в ней. Это была простенькая старенькая палатка, но выгоревшая настолько, что в ней днем было совершенно светло. Внутри при входе справа стояла металлическая печка, а за ней двое нар и самодельный стол. И еще в дальнем углу была «этажерка» с геологической литературой, были и книжки с рассказами, которым я особенно порадовался – скучать не придется. На входе была нашта марля, так что залетевших комаров было прекрасно видно и можно было перебить их, рассевшихся на потолке, брезентовой рукавицей.

Основной проблемой для меня была готовка. И не столько само приготовление пищи, сколько туча комаров за палаткой, которая не давала спокойно что-то приготовить. На печке готовить было совершенно невозможно из-за жарких дней. С грехом пополам я умудрялся что-то сварить в кастрюльке, постоянно вытаскивая из нее ложкой комаров, насколько помню это были каши: манная, рисовая, гречневая. И чай, с ним было проще. Хлеба буханку мне оставили.

Так что, несколько дней я провел в относительном спокойствии и даже ночью удавалось поспать, не особенно тревожась из-за комаров. Но все хорошее когда-то кончается и народ стал постепенно возвращаться в лагерь. Пришло время съезжать мне из начальской палатки.

Начало полевых работ

Наш отряд был «выброшен» к месту работ на МИ-4. Это была речка Средний Сакукан. Речка мелкая, с частыми перекатами, где воды часто было по щиколотку. Мы обследовали мелкие ручьи-распадки, притоки речки. Сначала шли по тропам вдоль залесенной долины реки, а затем поднимались по распадку до водораздела, плоского и «голового», то есть без растительности, проходили по нему до верховий следующего распадка и, спустившись по нему, шли по долине в лагерь.

Выше 300-й горизонтали водоразделы без растительности

Геолог шел впереди, вел маршрут, а мы, двое рабочих, шли за ним и через каждые 200 м один из нас измерял фон породы радиометром, а второй отмывал лотком аллювий ручья – брал шлик. на следующий маршрут мы с ним менялись приборами – радиометром и лотком и, соответственно, обязанностями.

В обед разводили небольшой костерок, подвешивали над огнем котелок с водой, кидали в него, после закипания воды, небольшой кусочек плиточного чая и, подождав немного, разливали янтарного цвета чай по эмалированным кружкам. Чай пили с хлебом собственной выпечки, свежим и мягким. Особенно ценились горбушки. Чай и сахар брали с запасом – вдруг что-то задержит в маршруте.

Но память моя сохранила и поднятия в горы, когда идти приходилось по острым гребне-видным вершинам, и быстрые спуски по крутым щебенчатым склонам, когда мы запаздывали с возвращением в лагерь. Причем, неслись так, нарушая все правила техники безопасности, что приходилось опасаться, как бы не кувырнуться и сломать себе шею.

Гребень горы

Бывает, геолог и второй рабочий (они были братьями), оба длинноногие, перемахнут речку или какой ручей по валунам, а мне не перепрыгнуть и я бегаю, ищу место, где поуже.

Помню, поднимались как-то на водораздел и вдруг силы покинули меня. Мне и так-то подъемы давались с трудом, а тут ноги отказали полностью. Как свинцом налились, стали какими-то ватными. До седловины уже рукой подать, вон она вверху недалеко, а я с места сдвинуться не могу. Меня окликают, а я сделаю шаг и опять застываю на месте. Сначала, напарник снял с меня рюкзак, я сделал несколько шагов и остановился, опять не в силах идти дальше. Тогда он взял меня за руку и повел за собой. Кое-как я добрел до седловинки и рухнул в изнеможении на землю.

Еле дошел

Геолог сказал, что я, наверное, напился воды на подъеме. С тех пор в маршруте я, если и позволял себе выпить воды, то только при сильной необходимости и всего несколько глотков. Я не стесняюсь писать об этом случае, так как всякое могло произойти в маршруте. И не только с новичком, но и с людьми с опытом, уже поездившими в экспедицию...

А был еще случай, когда, поднявшись на водораздел, мы должны были обследовать бывший лагерь ГУЛАГа с рудником, где, когда-то в 50-х, заключенные добывали урановую руду.

Но, поднявшись, лагеря мы не обнаружили, ни бараков, ни карьера, вообще никаких построек – оказалось, мы поднялись по соседнему распадку, спутали. Ну и слава богу, подумал я, шевелюра у меня еще приличная и лишаться ее мне как-то не хотелось. В том, что «промахнулись», в общем-то, ничего страшного не было – можно сходить туда и на следующий день. А когда мы шли домой, геолог, Найденов Юра, сказал, что из этой, добытой здесь урановой руды, была изготовлена наша первая атомная бомба. Идя по тропе домой и, отбиваясь от комариного несчастья, я представлял себе, какого же было здесь ходить заключенным, лишенным всякого подобия защитных средств. Мы хоть накомарники имели и диметил...

Так вот, оказалось, что другая группа нашего отряда, тоже спутала маршрут и поднялась прямо к оставленному гулаговскому лагерю, где наткнулась на бараки. Начальник этой группы, Нусинсон Л. С., наличием волос на голове, мягко скажем, не был богат и рискнул зайти в барак. Нары двухэтажные, грубо сколоченный стол, алюминиевые миски и ложки... Ничего трогать они, конечно, не стали.

Ничего более примечательного в сезоне я больше не помню, не помню даже была рыбалка или нет... Хотя вот еще, вспомнил, в середине сезона, где-то в июле – августе, зачастили мимо нашего лагеря группы туристов. Они ехали и из ближних городов – Новосибирска, Иркутска, откуда-то еще, даже более дальних городов нашей страны – из ее европейской части.

Я наблюдал, как они понуро проходили по речной косе мимо нашего лагеря, согнувшись в три погибели, под огромными рюкзаками. Ведь они несли на себе не только продукты, личные вещи, палатки и спальники, но и байдарки в разобранном виде. Их целью было подняться вверх по речке, перевалить через водораздел, спуститься к более полноводной реке и спуститься по ней на байдарках.

Я на такой подвиг способен не был, это я понимал. Мне с избытком хватало тех мучений, которые я испытывал с непривычки от восхождений в горы, когда идти вверх приходилось, бывало, елочкой, так как штурмовать перевалы «в лоб», не было никаких сил.

Иногда какая-нибудь группа останавливалась на ночевку недалеко от нашего лагеря и кто-нибудь, кого ноги еще держали, приходили к нам в гости. Мы поили их чаем, угощали свежим хлебом, снабжали махоркой. Но особенно их интересовали подробные схемы речной сети, ведь они двигались часто по грубым схемам. Они делали выкопировки с наших физико-географических карт для облегчения в ориентировании на местности, за что были безмерно благодарны нам. Ведь, если геологи бывает путались, имея и карты и аэрофотоснимки, то каково же было идти им по грубым схемам, если у них не было в группе надежного человека, знающего эти места и, возможно, уже побывавшего или проходившего здесь.

И еще помню, как где-то под осень, в конце августа, когда основные работы закончились и все ИТЭЭРы сидели по палаткам и камералили, а печки топились, мне с напарником поручили заготовить дрова. Для этого завалили огромную сосну «в три охвата» и оставили мучать ее двуручной пилой. За сезон я кое-как научился владеть ей, но все равно это было одно из самых ненавистных мне, выматывающих все силы занятий. Постоянно упрекая друг друга в дергании, мы провозились с пилением весь день, отпилив всего несколько широченных чурбаков. Пришли ИТРовцы, перетащили чурбаки в лагерь, покололи и растащили по палаткам и на кухню. поленьев оказалось достаточно. Но я очень жалел, что у нас нет бензопилы «Дружба», очень дефицитная была вещь, и, если выдавали такую, то только одну на всю партию.

Да, вот еще, пришлось мне поработать и с оленями. Они использовались для переброски снаряжения и продуктов на новые участки работ, а сотрудники отрядов шли следом. Часто каюры сами завьючивали оленей и шли в указанное место. На оленя грузились по суме с каждого бока, каждая сума по 20—25 кг.

Геологи уходили в маршрут с переходом на это место. Я даже попытался как-то проехать на олене верхом. Прыгать на него как на лошадь нельзя – можно шею ему сломать. Садиться

нужно осторожно, ближе к шее. Чтобы не прыгать, ведь стремян на седле нет, я подводил оленя к какой-нибудь кочке или бугорку и пытался сесть. Но эта хитрая скотина, стоило только занести ногу, делала шаг вперед и я оказывался сзади. Приходилось приноравливаться, набираться опыта. Ехать на нем, хоть он и идет плавно, тоже непривычно, ведь ноги висят в воздухе ни на что не опираясь. Поэтому сидеть нужно прямо, не наклоняясь ни вправо, ни влево, седло может сползти, ведь шерсть него длинная, а подпруга одна, не как у лошади, где их две.

Ну вот и все события за сезон. В общем, я привыкал к полевому образу жизни – ходить в маршруты, промывать породу деревянным лотком, работать радиометром, ставить палатки, пилить и колоть дрова, овладевая пилой и топором, разжигать огонь костра «с одной спички» и тому подобное.

В сентябре основную часть рабочих начали отправлять в Москву, где их и набирали – для экономии фонда заработной платы. Затем отправлялись ИТРовцы. Начальник партии и радист-хозяйственник улетали с последней группой.

На полевом лагере на построенном лабазе оставили часть снаряжения – свернутые палатки, брезенты и посуду, чтобы не завозить его по новой в следующем сезоне и не тратить на это летные часы вертолета.

И вот снова МИ-4 до Чары, ЛИ-2 до Читы, ИЛ-18 до Москвы.

В бухгалтерии, после вычета за питание, я получил 300 руб. (при московско окладе 75 руб.) и был отправлен в отпуск. Так тоже экономили фонд заработной платы, отпускные шли по какому-то другому фонду. А впереди были еще положенные полевая премия и 13-я зарплата.

Зимой экспедиция получила задание на работы в районе Колымы и разделилась на две части – №2 Забайкальскую и №8 Колымскую. Меня зачислили в Колымскую.

Но это уже совсем другая история!

= = = = =

АНАТОЛИЙ МУЗИС

МИНОМЕТ

Протяжный свист!
Земля поднялась дыбом...
Разверзлась под ногами твердь...
И из под ног,
Клубясь зловонным дымом,
Выходит смерть!
Она рычит на мир голодным волком,
Встречая все живое,
как врага.
И посылает черные осколки
В холодные и белые снега.
И снова тихо.
Только круг воронки
Дымится на снегу...
Но вот —
Опять протяжный посвист тонкий,
– Это миномет!

ПЕРЕДОВАЯ...

Огнем озарена передовая.
Бросая блики на штыки и каски,
Горят костры,
Опасностью пренебрегая
До той поры,
Пока их не погасит гул
Артиллерийской встряски.

ПИСЬМО ОТ МАТЕРИ И ОТВЕТ...

Над землянкой тесной
Мартовское небо.
Солнце нижет воздух
Золотой тесьмой.
На моих коленях,
С котелком и хлебом,
Из дому от мамы
Теплое письмо.
Пишет мне из дома,
Задаёт вопросы:
«Как ты там, сыночек?
Как на фронте жизнь?»
А меж тесных строчек,
Вижу – капли... слезы...
Темными кружочками
Всюду разошлись.
Как её утешить?
Что ответить маме,
Чтоб не застилали
Больше слезы свет?
По привычке старой
Этими стихами
На листе блокнота
Я пишу ответ.
«Мама, мама, милая, не плачь,
Верь, как я, что будет все иначе.
После долгих, долгих неудач
И для нас настанет день удачи.
В этот день твою развеяв грусть,
Окрыленный радостью победы,
Я в семью родную возвращусь,
Позабыв все горести и беды.
И тогда ты вскипятишь мне чай,
Вытрешь радости непрошенные слезы,
А я буду честно отвечать
На твои вопросы и расспросы.
А пока пусть служит мне отрадой
Твой привет в далекой стороне.
Ты не плачь, без крайности, не надо,
Не печалься сильно обо мне.
Я храню твое письмо в конверте,
И тебе хотел бы доложить,
Что совсем не думаю о смерти
И надеюсь жить еще и жить.
Но, в минуты трудные, я все же

До конца поклялся защищать,
Что всего священной и дороже —
Это нашу Родину и Мать».

СЕЛО АЛФЕРЬЕВО

Село Алферьево в обхвате,
На картах стрелки... как тиски.
Мы долго отступали...
Хватит!
Теперь вперед! Примкнуть штыки!
Они укрылись в старых ДОТах
И думают – их не достать.

А мы в снегу. Ведь мы – пехота,
К России нам не привыкать.
А им и доты не помогут.
Куда ни кинь – повсюду клин.
Мы перекрыли им дорогу
И на Москву, и на Берлин.
На завещания похожи
Их письма: «Снег... Морозы... Ночь...
Спаси нас, Всемогуший Боже!..»
Но бог не может им помочь.

И пусть они взывают к богу,
Бессилен даже бог помочь.
Штыки закрыли им дорогу,
– С дороги прочь!

1942

=====

АЛЕКСАНДР МИЛЕДИН

НА КОЛЫМЕ

1986. Сплавом на моторках изучаем палеозой-мезозой по реке Коркодон. Выплыли наконец-то на Колыму. Еда не то чтоб кончилась, но ее было мало. Конец сезона.

Охта

Правый борт Колымы здесь скальный, но мы встали на левом, соблазнившись бешеным количеством охты (ударение на о, наверное от слов: Ох ты, бл... сколько ее). Ободравшись этой смородиной-крыжовником, переключились на рыбу. Недалеко торчала скала, прям над крупным бучилом. Явно с кру-у-у-пной рыбой. А вот сетка у нас была лишь одна 50х50, метров 10, для мелких рек. Вбив в эту скалу большой гвоздь, пустил другой конец сети плавать с грузом.

Утром меня разбудил шум мотора: нарисовалась рыбинспекция. И вопрос у этих борцов с браконьерами был один: чья сеть на скале. Я тут же несознался: мол мы геологи из Москвы и едим только гречку. На этой патетической ноте мне был задан вопрос, почему вместо груза на сетке геологический молоток. С комментарием, что в радиусе много км нет других геологов с молотками. И сообщили, что во-первых, на Реке таких микроскопических сеток не ставят, а во-вторых, они на нашу героическую бедность дарят нам мешок свежее конфискованных нормальных сетей и пару уток.

=====

О ТРИАНГУЛЯЦИОННОЙ ВЫШКЕ

Наверное ни один геолог не может пройти мимо триангуляционной вышки на вершине. Обязательно залезет для обзора. Обзора чего-то. Обычно оправдываются перед собой и ворчащими работягами – визуалка, рекогносцировка. На самом деле, нас всех влечет тяга к прекрасному. Виды с господствующей высоты бывают такие шикарные, что Левитан отдыхает.

На фото одна из таких вышек в бассейне Адычи. Хорошо виден столик для теодолита, под ним скрыт бетонный блок с железным репером. Вокруг три тура из бульников для выявления аэрофотоснимке. Семидесятые.

=====

О ЭКОЛОГИИ

Меня последнее время раздражают люди, пытающиеся переплюнуть в своем сюсюканье над «природой» даже веганов. Те хоть просто не жрут мясо и не носят меха и эта позиция как-то понятна.

Отпалка канав

А эти диванные протестующие против «насилия над природой» вообще и электростанций, дорог и тому подобном. в частности, тем более против добычи полезных ископаемых – кроме раздражения над их дуростью и нежеланием пошевелить мозгами – только отрицательные эмоции и смех. Сидя в многоэтажке перед компом в кресле, держа в руках мобильник и передвигаясь на авто или метро – даже не задумываются откуда все эти блага цивилизации берутся.

Зачистка канав

Так вот, разъясняю для тех, кто танке. Все что у них в руках и все что их окружает – все это результат насилия над природой в виде карьеров, шахт, скважин, ГОКов и прочей радости по изменению природы. Везде, подчеркиваю ВЕЗДЕ, есть металл, добытый из недр, везде есть камень, добытый опять же в недрах, везде есть углеводороды, выкачанные из недр. Либо ты прыгаешь голым по джунглям, не смея сорвать веточку с пальмы, чтобы отмахнуться от москита или вытереть задницу, либо начинаешь планомерно «насиловать природу», чтобы выжить. Не важно, где. Везде Хомо Сапиенсу понадобится одежда, убежище и приспособы для добычи животных, растений или полезных ископаемых. И это естественный процесс, длящийся уже тысячелетия. Что-то поменять нельзя. Если только не долбануться головой о пень, но и тот будет жалко. Другое дело, что можно насиловать природу, минимизируя ущерб от этого. Опять же это всегда выбор между ущербом природе или ущербом человеку. И что из них важнее?

На фото процесс поисков касситерита. Отпалка канав с помощью аммонита 6-ЖВ, зачистка канав и отбор проб и результат в виде бульника с 30% касситерита.

«Бульник» с касситеритом

Рудопроявление Викинг, Верхоянье, 1974 год. Привет всем зеленым гринписам и энвайронменталистам.

=====

ГАЛИНА ТОМИЛОВА

СЛУЧАЙ В МАРШРУТЕ

Старым советским геологам посвящается

О вреде дорожного питания...

Ломило ноги, руки, спину, зубы ломило тоже... Ломило, казалось, всю костную и мышечную ткань... Полевой сезон был в самом начале и тело ещё не разгулялось, только-только привыкало к нагрузкам. Лина, Лёня и Саня, побросав рюкзаки, кое-как развели костёр, взгромоздили над ним кастрюльку-котелок, в ожидании чая, блаженно вытянули ноги... Уже стемнело. День выдался длинный. Весь день они шли вверх.

Чем дальше вверх, тем длиннее день... Шли они из нижнего базового лагеря маршрутом, в геологическом просторечии называемом «выкидушкой». Маршрут не заканчивался одним днём, мог растянуться и на три дня, и на неделю. Ночевали в таких маршрутах, как правило, там, где ночь застанет. Всё с собой – палатка, спальники, нехитрые продукты. По ходу – отработывали площадь, опробовали на наличие мпи*, шлиховали**.

На этот раз повезло. Ночь их застала у протопанной и проторенной конской тропы, по тем местам – шоссе, не меньше. Невдалеке располагался пустующий зимник. Большого счастья и предположить было невозможно. Палатку ставить не требовалось. И они, достав провизию, расслабленно млели, в ожидании чая, глядя в огонь. Лина сидела спиной к тропе. Лёня и Саня напротив. Было тихо, в ушах шумело от превышения и усталости, и слышно было только потрескивание костра да побулькивание закипающей воды.

Какое-то время спустя, послышались некие посторонние звуки.

– Начальник, у нас гости.

Лёня, не дрогнув ни одним мускулом, блеснул глазами и снял котелок с огня. Лина, медленно, едва справляясь с окостеневшими хрящами и оцепеневшими мышцами, обернулась. По тропе вереницей двигалась партия мужчин на конях. Двигались не торопясь, степенно и молча. Мужчин было человек шесть – семь. Одеты в тёплые куртки и в шапках. Было начало июня, в горах ещё прохладно в это время. По определению одной из Лининых коллег – год за сутки: утром весна, днём лето, вечером осень, ночью зима.

Мужчины были вооружены – ружья за плечами. Поравнявшись с костром, они остановились, учтиво поздоровались, но ни с коней, ни с тропы не сошли. От чая отказались, достали фляжки, побренчав пробками, дружно выпили. Предложили отхлебнуть Лине с сотоварищи. Лина с сотоварищи отказались.

Порасспрашивали – что да как, кто такие, куда путь держат, откуда... И, удовлетворённые услышанным, ещё раз отхлебнув из фляжек, отправились дальше, вверх по тропе, растворились в темноте, как не было. И только, ещё недолгое время доносившиеся с тропы постукивание копыт о камни и похрапывание лошадей, давало понять, что партия мужчин не привиделась. Обескураженные Лина, Лёня и Саня, переглянувшись, расхохотались. И принялись укладываться.

Утром, едва запалив костёр, они опять слышали постукивание копыт. Стоял туман, поэтому они не сразу разглядели сколько их... На этот раз путник был один. Тоже тепло одетый, в шапке, куртке и с ружьём. Шапка выглядела нелепо, что-то среднее между ушанкой с завязанными сверху ушами и бояркой – по форме. Из светлой овчинки – шерсть спуталась и лохматилась. «Будто дед Мороз заблудился,» – подумала Лина. Не сходя с коня, путник остановился и поздоровался. Лина, Лёня и Саня, дружно предложили чаю. Путник отказался.

Достал фляжку и побренчав пробкой, отхлебнул содержимое. Предложил присоединиться, протягивая им фляжку. Лина, Лёня и Саня отказались. Путник, помолчав, смущённо побряхтев, поёрзывая в седле, спросил:

– Здесь вчера мужики проезжали? – И описал мужичин каждого в подробностях.

– Проезжали, – дружно ответили Лина, Лёня и Саня.

– А я там был? – после некоторой заминки, стесняясь, спросил путник.

– Не было, – дружно ответили Лина, Лёня и Саня.

У утреннего путника был белый конь и белая шапка. Вчерашние вечерние путники были в тёмном и на тёмных конях.

– Эхехе, – сказал путник в белом и поехал вверх.

Лина, Лёня и Саня, обескураженно переглянулись. Лёня, из местных, закоренелый и обветренный, трудяга-работяга, хохмач и остряк, покатывался и охал. Саня, серьёзный московский программист, на сезон залетевший поглазеть на экзотику, утончённый и ещё не оперённый, смахивал слезинки с глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.